

В заголовке *Edward Snowden's Half-Baked Revolution* 'Недоделанная революция Сноудена' используется метафора *half-baked revolution*, которую нельзя сохранить при переводе на русский язык. Сочетания 'недопеченная революция' или 'полусырая революция' нарушают нормы сочетаемости в русском языке. Переводчик, стремясь сохранить выразительность и выразить смысл, использует прямое значение лексемы *недоделать* (*недоделанная революция*). Однако данное выражение нарушает нормы сочетаемости, поскольку по-русски слово *революция* выступает в сочетаниях *совершить революцию*, *революция не удалась*, *революция провалилась*. Можно предложить такие варианты перевода заголовка *Неудавшаяся революция Сноудена* или *Провалившаяся революция Сноудена*.

Прием экспликации. В заголовке *Britain seeks travel ban on Russian MPs over Crimea* 'Британия по причине аннексии Россией Крыма вводит санкции на въезд в страну членов российского парламента' использована аббревиатура *MPs*, которая расшифровывается как *Members of Parliament*. В русском языке выражение *член парламента* не сокращается, поэтому при переводе этого заголовка на русский язык переводчик дает полный перевод.

Грамматическая замена. Смысл заголовка *In The Ukraine Crisis, The U. S. Has A Credibility Problem* понятен, но не может быть передан аналогичной грамматической структурой. Предложен следующий вариант перевода 'Вопрос доверия к США в условиях украинского кризиса'.

Итак, из анализа приемов перевода заголовков становится ясно, что перевод газетных заголовков требует трансформаций, применение которых обусловлено семантическими и синтаксическими несовпадениями, несовпадением норм сочетаемости в ИЯ и ПЯ, этическими ограничениями, стремлением к полной передаче смысла. Умение выбирать прием перевода, легко использовать нужный тип трансформации – залог адекватного перевода.

Д. Н. Шаповаленко

ПРИРОДА ОДНОЙ «ОШИБКИ»

Сколько бы теоретики и критики перевода не клеймили позором буквальный или близкий к нему перевод, но вначале все-таки было слово и главным в переводе остается слово: любая мысль идеальна, а материализуется она в слове, что и происходит с идеями и интенциями автора. Поэтому тщательная работа над каждым словом подлинника – это задача каждого добросовестного переводчика, и она никогда и никем не отменялась. Можно прикрываться громкой фразой о том, что в художественном переводе на первом плане для переводчика находится передача эстетического потенциала художественного произведения, поскольку именно эстетическое воздействие на читателя

декларируется в качестве его основной функции. Причем и главным критерием оценки качества художественного перевода в современной теории неоспоримо считается адекватность эстетического и прагматического воздействия исходного текста и его перевода. Но хотим мы этого или нет, а читатель в первую очередь воспринимает предметное содержание и язык автора, т.е. слово, в котором оно передается. Для большинства читателей первичны сюжет, интрига, персонажи, характер действия в произведении, и он верит не только в то, что перевод книги полностью соответствует подлиннику в его объеме, но и во всех планах содержания этого подлинника, включая в первую очередь предметное: о чем и о ком пишет автор, а вот как он об этом пишет, в каких выражениях, с использованием каких стилистических средств и приемов – это уже эстетика, которая нередко вторична и представляет собой как бы задний план театральной сцены, и в восприятии читателя зачастую неоднозначна и весьма личностна. Отсюда нередко можно услышать, что произведение, а точнее его перевод, одному читателю нравится, а другому – нет.

Поэтому задача художественного переводчика, на мой взгляд, заключается в первую очередь в том, чтобы передавать в переводе все то, что написано автором и так, как это написано, только в иной знаковой системе, т.е. переводящим языком. Если писатель точен в выборе лексических средств, использовав конкретное слово из синонимического ряда, то и переводчик должны быть таким же точным; если автор использует просторечные формы, иноязычные вкрапления, то и переводчик обязан неукоснительно следовать в его русле.

В. В. Набоков говорил, что в причудливом мире словесных превращений существует три вида грехов. Первое и самое невинное зло – очевидные ошибки, допущенные по незнанию или непониманию. Это обычная человеческая слабость – и вполне простительная. Но настолько ли она простительна, следует ли прощать переводчика, когда в подлиннике одно, а в переводе нечто иное, иногда совершенно непонятное или даже вообще несуразное? Простить неточности или ошибки можно переводчикам дореволюционной поры и первой половины прошлого века, когда они были лишены сегодняшних широчайших возможностей поиска необходимых лексических соответствий, ведь даже двухтомный Большой немецко-русский словарь под редакцией проф. О. И. Москальской вышел в свет всего-то в 1969 году. Интернет с его почти неограниченными поисковыми возможностями, электронные словари и форумы переводчиков вошли в повседневный оборот не так давно, на памяти одного поколения. Сейчас, к тому же кроме «бумажных» словарей, существует обширная лексикографическая база! И поэтому становится очень грустно, когда среди переводов, в большинстве своем выполненных добросовестно, выявляются примеры с явными искажениями, неточностями и грубыми лексическими и содержательными ошибками, когда одна ложка переводческого дегтя портит впечатление от прочитанного

и несправедливо создает неверное представление об авторе. Ведь наш усредненный читатель оценивает его произведение именно по переводу. Здесь следует отметить, что страдают этой «болезнью» в большей степени переводы, сделанные в постперестроечный период, а «XXI в.» грешил этим в меньшей степени.

Занимаясь подготовкой для немецко-русского корпуса параллельного текста на основе оригинала романа Э.-М. Ремарка «Der Himmel kennt keine Günstlinge» и его нового полного перевода на русский язык «Жизнь взаимы», выполненного в 2018 г. известным российским переводчиком М. Л. Рудницким в московском издательстве «АСТ», я натолкнулся в одном пассаже на фразу *Herunter mit dem verdamnten Gashebel*, которую воспринял как нежелание водителя давить на педаль газа. Основанием для такой уверенности послужило обращение к словарю, где значится *herunter damit!* — *долой!* Но прежде следует взглянуть на сам пассаж: *Weber liegt vorne. Es ist egal, was ich mache. Es ist nicht egal! Wie sich das dreht! Die Karre ist doch kein Flugzeug! **Herunter mit dem verdamnten Gashebel!** Angst ist schon der halbe Unfall!*

Интересно было взглянуть на английский перевод как на своеобразный текст-донор, выполненный Ричардом и Кларой Уинстон, который представляет собой практически полную кальку: *Weber is ahead. It doesn't matter what I do. It does matter. How it whirls! This jalopy isn't a plane. **Down with the damned gas pedal.** Fear is halfway to an accident.* В данном случае читатель вправе воспринимать текст так, как он его понимает лично, но и английские словари тоже дают для этого выражения значение 'долой'.

Еще в 1960 г. Л. Б. Черная сделала сокращенный перевод этого романа, и там этот пассаж выглядит следующим образом: *Впереди Вебер. Не все ли равно, с какой скоростью я буду ехать. Нет, не все равно. Что-то крутится перед глазами. **Проклятый акселератор, я должен на него нажать!** Сравнивая с переводом М. Л. Рудницкого, можно выявить как явные расхождения, так и схожие варианты: *Вебер впереди идет. Плевать, как я доеду. Как же, черта с два плевать! Ишь, как трасса петляет! Это же вам тачка, не самолет! **Да жми ты на газ, черт побери!** Аварии бояться – счастья не видать!* И в первом и во втором случаях бросается в глаза расхождение в переводе фразы *Wie sich das dreht!* Л. Б. Черная – *Что-то крутится перед глазами!* М. Б. Рудницкий – *Ишь, как трасса петляет!**

Интересно, что и в двух переводах на украинский язык Ю. Винничука и Р. Попелюк, Ю. Микитюка и Х. Николиной этот пассаж весьма схож с русскими вариантами: *Вебер попереду. Чи не однаково, з якою швидкістю мені їхати? Все ж таки не однаково! Щось крутиться перед очима! **Натиснути кляту педаль газу!** Страх – то вже половина катастрофи!*

Однако эта фраза никак не может быть переведена по Рудницкому как *Ишь, как трасса петляет!* Попробуйте сделать обратный перевод, и получите ли вы соответствие исходному тексту? Да и вариант Л. Б. Черной – *Что-*

то крутится перед глазами. – тоже далек от контекста. А наш герой, по моему ощущению, думает при этом, ‘*Как же всё оборачивается*’: ему с одной стороны всё равно, как он доедет, и далеко не все равно – надо команду выручать! И тут у главного героя появляется чувство беспокойства или страха, от которого один шаг до аварии! Поэтому он подстегивает себя фразой *Herunter mit dem verdammten Gashebel!* - *Пронади пропадом эта проклятая педаль газа!* Причем по Ремарку довольно трудно определить, что же последует дальше, станет ли герой романа безудержно гнать машину, давя на педаль газа, или проявит благоразумие и осторожность. Но у нескольких переводчиков картина иная: они видят наречие *herunter*, понимая его как указание движения вниз, и заставляют водителя давить на педаль газа! А стоит внимательно посмотреть в словарь, и мы увидим, что наречие *herunter* в сочетании с предлогом *mit* получает собственное фразеологически связанное значение и указывает на снижение чего-то, прекращение действия, и почти полсотни натуральных немцев, носителей языка и, к тому же, работников автошкол на вопрос, как поведет себя водитель, если внутренний голос будет подсказывать ему: *Herunter mit dem verdammten Gashebel!* – в один голос отреагировали – *Entschleunigen!* – т.е. сбросить газ, скорость! В переводах Л. Б. Черной и М. Л. Рудницкого, которых поддержали всего четыре немецких филолога и литератора, ситуация описана с точностью наоборот – ‘давить на газ’, да и фраза *Angst ist schon der halbe Unfall!* – ‘Аварии бояться – счастья не видать!’ совершенно неуместна в данном контексте ни по содержанию, ни по эмоциональному накалу, ведь гонщик, скорее всего, не подбадривает себя, а успокаивает и призывает к разуму.

Усредненный читатель, на которого должно быть рассчитано каждое литературное произведение, воспринимает в первую очередь внешнюю картину, отображенную автором, и наш читатель, если он не литературовед или не литературный критик скорее всего редко вникает в авторские коннотации и не пытается выяснить для себя некий внутренний подтекст: что увидел в тексте, так его и понял! А переводчику не следует давать волю своей фантазии и уходить от конкретного «знака»: *Пронади пропадом эта проклятая педаль газа!*

Е. В. Шестакова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

На протяжении многих лет специалисты в области перевода текстов официально-делового стиля нередко сталкивались с проблемой передачи на язык перевода аббревиатур различных организационно-правовых форм, таких как